

ОБРАЗ МАСТЕРА И ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА «ДЕМИУРГ» В ДИАЛОГАХ ПЛАТОНА

Платоновский диалог «Тимей» представлял и представляет собой неиссякаемый источник проблем для философов, историков, физиков, филологов и математиков — от Аристотеля до наших дней. Недаром при своей жизни Платон отказывался опубликовать «Тимея» и читал его только «посвященным» — старшим слушателям Академии — во избежание глупых и нечестивых толкований со стороны неподготовленного читателя. «Творца и родителя этой Вселенной, — замечает платоновский Тимей в начале своего рассказа о возникновении и устройстве мира, — нелегко отыскать, а если мы его и найдем, о нем нельзя будет всем рассказывать»¹. Для современных исследователей «Тимея» «творец Вселенной», именуемый «Демииургом», — главная загадка этого диалога.

Поиски ответа на вопрос: кто такой или что такое Демииург в «Тимее»?² — ведутся прежде всего в плане теоретическом — какое место можно отвести для него в системе платоновских категорий? Демииурга отождествляют с «идеей блага» из «Софиста» и «Государства»³, с «причастностью» «Парменида», с «умом мировой души»⁴ или «наилучшей мировой душой» «Законов»⁵, с «трансцендентным Умом» неоплатоников⁶. После определения Демииургу того или иного места в философской системе, возникает следующая проблема: «А почему он, собственно, Демииург?», т. е. почему Платон не назвал его прямо идеей блага или Умом и не указал его соотношения с другими категориями? Ведь в том же «Тимее» дана ясная и последовательная система соотношений между идеальным вечным «бытием», его антагонистом — материей и результатом их взаимодействия — чувственным миром⁷. И на фоне этих рациональных рассуждений работает Демииург — Создатель Вселенной: ваяет, режет, строгаёт, куёт, ткёт, лепит и красит прекрасное тело и разумную душу космоса, глядя на идеальный образец и стремясь по возможности уподобить ему свое произведение, руководствуясь разумом и, следовательно, имея своей целью высшее благо. Насколько сух и строг язык Тимея при рассуждении о соотношениях первоначал, настолько же далек он от «научности» при описании действий Демииурга: он существует в диалоге внутри своего поэтически-образного мира.

Это обстоятельство, а также и то, что Тимей сам называет свое повествование «правдоподобным мифом» (Tim. 29d), побуждает многих исследовать «Тимея» в связи с греческой мифологией вообще и космогонической мифологией в частности⁸. Однако один существенный момент в «Тимее» не позволяет отнести его к попыткам философского осмысления традиционной мифологии: мифологическая космогония исключала действие разумного, осмысленного, целенаправленного начала, каковым именно и является платоновский Демииург. Мифическое возникновение космо-

¹ «Тимей» 28 с; пер. С. С. Аверинцева. Здесь и далее цит. по книге: Платон. Сочинения в трех томах. М., 1968—1972.

² «Кого или что следует понимать под Демииургом? — это первый вопрос, который встает перед нами в „Тимее“ в связи с его учением о началах» (Natorp P. Platos Ideenlehre. Lpz, 1903, S. 339).

³ Zeller E. Philosophie der Griechen. 15. Aufl. II, 1, Lpz, 1922, S. 718; Lutoslawski W. The Origin and Growth of Plato's Logic. L., 1897, p. 475.

⁴ Cherniss H. Aristotle's Criticism of Plato and the Academy. Baltimore, 1944, p. 606—608.

⁵ Taylor A. E. A Commentary of Plato's «Timaeus», Oxf., 1928, p. 70—71.

⁶ Hackforth R. Plato's Theism.— In: Studies in Plato's Metaphysics. Oxf., 1965, p. 439—447.

⁷ «Тимей» 28а—29с; 48е—49а; 51с—52е.

⁸ Лосев А. Ф. Тимей. Мифологическая диалектика космоса.— В кн.: Платон. Сочинения в трех томах. Т. 3 (1). М., 1971, с. 658.

са — это цепочка естественных, неосознанных «порождений»:

Прежде всего во вселенной Хаос зародился...
черная Ночь и угрюмый Эреб родились из Хаоса.
Ночь же Эфир родила и сияющий День, иль Гемеру:
их зачала она в чреве, с Эребом в любви сочетавшись...
Гея же прежде всего родила себе равное ширью
звездное Небо...⁹ (разрядка моя.— Т. Б.)

И греческая досократовская натурфилософия, несмотря на свой анти-мифологический пафос, оказывается объектом яростной критики Платона именно потому, что объясняет происхождение и устройство мира взаимодействием неразумных, нецеленаправленных сил — видит «природу», т. е. результат естественного рождения там, где Платон видит «космос», т. е. разумно устроенный «порядок»¹⁰. И «Тимей» не просто философски переосмысливает традицию космогонической мифологии — он сознательно противопоставлен ей. Может быть, для того чтобы резче подчеркнуть это противопоставление, Платон и изображает своего боготворца в виде ремесленника: строителя, плотника, кузнеца, ваятеля, токаря и живописца. Ибо слово «демиург» означает не что иное, как «ремесленник, или мастер»¹¹, и образная система «Тимея» построена почти целиком из образов ремесленного производства¹².

Однако тот же самый тезис может формулироваться и в обратном порядке: не стремление Платона подчеркнуть разумный и целесообразный характер мироустройства заставило его изобразить Создателя Вселенной в виде ремесленника, но характер общественных отношений, сложившихся в греческом полисе V в. до н. э. и выдвинувших на передний план фигуру ремесленника, заставил Платона поместить именно ремесленника у истока мироздания и тем самым невольно утвердить рационально-телеологическую картину мира. Автор новейшего «Систематического комментария к „Тимею“ Платона» Люк Бриссон на вопрос, почему Платон поручил создание мира ремесленнику, отвечает прямо: «Герой греческой истории — это именно ремесленник. Ибо Греция V и IV веков до н. э. — цивилизация ремесленника, точно так же как Греция предшествовавших столетий была цивилизацией земледельца. В самом деле — в основе всех творений этой эпохи находятся ремесленники: продукция Керамика, воз-

⁹ *Hesiod., Theog.* 117—128. Пер. В. В. Вересаева.

¹⁰ Опровержению этого «пагубного», «нечестивого», «бессмысленного» учения, которое «большинство людей считает самым мудрым из всех», посвящена X книга «Законов»; ту же концепцию природы Платон критикует у натурфилософов, в аспекте физическом («Федон» 96a — 101e), и у софистов, в этическом и политическом аспекте («Горгий» 482e — 505c).

¹¹ «Греческое слово „демиург“ почти все переводчики Платона понимают как „творец“, „создатель“, „зидатель“, „художник“ и пр. Однако, хотя в „Тимее“ этот термин и употребляется в несколько повышенном тоне, все же нельзя надивиться на то обстоятельство, почему Платон взял для обозначения космических творческих актов термин из области самого обыкновенного человеческого ремесла. „Демиург“ значит „мастер“, „работник“, „ремесленник“ (в широком смысле слова, включая вообще всякую целесообразную деятельность, например, врачебную). Кое-где в Греции такое название носили еще и высшие должностные лица в государстве. При этих условиях точный перевод данного платоновского термина невозможен ни на какой современный язык... Однако мы еще раз напоминаем, что это является обыкновенной манерой Платона — брать бытовые термины и в результате своей философской работы превращать их в термины философии, эстетики, этики, логики и других наук...» (*Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М., 1969, с. 554). Анализ происхождения и значения слова «демиург» (главным образом на материале надписей различных греческих государств) можно найти в кн.: *Bader F.* *Nes composés grecs du tyre de „demiourgos“.* P., 1965.

¹² Терминология «Тимея», заимствованная из различных сфер ремесленного производства, исследуется в кн.: *Brisson L.* *Le même et l'autre dans la structure ontologique du „Timée“ de Platon.* Un commentaire systématique du «Timée» de Platon. P., 1974, p. 31—54.

ведение Парфенона и Пирейского порта и даже учение школы Гипократа»¹³. Социологический экскурс из истории греческого полиса, в котором Л. Бриссон показывает, как наряду с «прежними» сословиями аристократов-всадников и крестьян-гоплитов развивается и «завоевывает господствующее положение» сословие ремесленников, что «влечет за собой глубокие социальные и политические изменения»¹⁴, не вызывает возражений. Но попытка установить прямую связь между характером производства и политической жизнью в Афинах, с одной стороны, и богом-Демииургом платоновского «Тимея», с другой, представляется недостаточно основательной.

«Природа, — объясняет Л. Бриссон, — представляется всегда как результат человеческого труда», «природа есть человек плюс материя». Характер труда предопределяет представление о природе, и потому до V в. до н. э. в Греции необходимо существовало восприятие природы как чего-то естественно растущего, в соответствии с аграрной культурой, а в эпоху Платона оно должно было смениться ремесленным представлением о природе как о произведении, разумно и целесообразно изготовленном по определенному плану — «образцу». Но как же Платон, аристократ до мозга костей, смог настолько подчиниться давлению исторической необходимости, что, забыв о своем презрении к ремесленникам и прочим производителям, поставил «демиурга» в центре своей космогонии? Ведь в идеальном государстве Платона ремесленники — даже не настоящие граждане, они стоят между государством — общиной подлинных граждан, воплощением закона и справедливости, и не-государством, беспорядочным природным началом. На это Л. Бриссон отвечает: но ведь такова же и роль Демииурга в «Тимее»: он осуществляет связь между миром идей, где царит порядок и закон, и беспорядочным хаосом, подчиненными материальной необходимостью (с. 100).

Далее, в архаический период Греции словом «демиург» обозначался не только мастер-ремесленник, но и политический деятель, магистрат, а также организатор новой колонии. Соответственно и платоновский Демииург, продолжает Бриссон, выступает в качестве законодателя и правителя космоса (а назначая каждой из частей человеческой души свое отдельное местожительство, он выступает в роли основателя колонии). Впрочем, политическая власть и политическое управление также, замечает Бриссон, «связаны для Платона с известной формой деградации: такому деятелю приходится постоянно спускаться в подземелье, чтобы наставлять прикованных там людей», лишенных даже отблеска света истины, согласно мифу о пещере из VII книги «Государства». Так же и создателю мира приходится постоянно иметь дело с материей»¹⁵.

Некоторая натянутость и недостаточная убедительность концепции Бриссона объясняется отчасти тем, что, ограничив круг исследования одним «Тимеем», он пытается связать платоновскую космогонию с социальными процессами V в. до н. э. непосредственно, без всяких промежуточных звеньев. Если бы он обратил внимание на бесчисленных плотников, ткачей и сапожников, которые, по выражению Крития у Ксенофонта, стерлись и полиняли, постоянно вертясь на языке у Сократа, на то, что подавляющее большинство сравнений, которыми Платон (или Сократ у Платона) иллюстрирует свои мысли, заимствованы именно из мастерских ремесленников и что почти во всех платоновских диалогах фигурируют строители, кормчие и врачи, — социологическая интерпретация Демииурга получила бы более прочное обоснование.

По отношению к Сократу такая интерпретация весьма правдоподобна: неудивительно, что все вопросы он обсуждал на примерах ремесленников — ведь они обсуждались на агоре в мастерских и у лавок этих

¹³ Ibid., p. 99.

¹⁴ Ibid., p. 98.

¹⁵ Ibid., p. 52—54, 101.

самых ремесленников, если верить единодушным свидетельствам Ксенофонта и Платона. Налицо влияние исторической реальности на устное философское творчество. Но с Платоном дело обстоит значительно сложнее. Его диалоги сочинялись не в разговорах на рыночной площади, и мастер-демиург в них — не столько ближайший к говорящему объект, на примере которого удобно разъяснить свою мысль, сколько дань памяти учителю, воспроизведение мыслей Сократа, незаметно принимающих от диалога к диалогу иной, несократический характер. Таким образом, между реальными афинскими ремесленниками и Демиургом платоновского «Тимея» (написанного Платоном, уже оставившим традицию сократического диалога и перешедшим от этики к физике) стоит, по меньшей мере, все творчество Сократа и Платона.

На наш взгляд, анализ употреблений слова «демиург» в других платоновских диалогах лучше поможет понять смысл, вложенный в это слово в «Тимее», чем анализ семантики «демиурга» в древнегреческом языке вообще или роли демиурга в греческой истории V в. до н. э.

«Тимей» представляет собой своеобразную попытку Платона изложить догматику своего учения в более или менее систематическом виде. В связи с этим и терминология этого диалога отличается от обычного платоновского словоупотребления: в большинстве так называемых «сократических» диалогов основные понятия и термины либо заимствуются из сферы обыденной или поэтической речи, либо их значение уточняется и определяется в ходе самого рассуждения. В «Тимее» же многие существенные понятия появляются без предварительного введения, как уже заданные и ранее определенные («тождественное», «иное», «сущность», «бытие»). От читателя или слушателя требуется предварительное знакомство с содержанием основных платоновских понятий. Вполне возможно, что и у такого бытового слова, как «демиург», помимо его общеупотребительного значения есть еще и дополнительный, специально платоновский «систематический» смысл.

Все контексты со словом «демиург» в платоновских диалогах можно разделить по значению на две основные группы: в первом случае это слово указывает на социальную принадлежность к ремесленному сословию; во втором оно обозначает автора, причину или источник чего-либо, или же мастера, в совершенстве владеющего своей профессией, — безотносительно к его общественному положению.

Демиург как представитель своего сословия противопоставлен всем остальным категориям жителей полиса (не граждан — ибо гражданами в собственном смысле слова у Платона называется только первая категория — «свободнорожденных»). Демиурги занимают место между свободными гражданами, с одной стороны, и рабами, с другой; в той части «Законов», где идет речь о распределении продуктов питания среди жителей полиса, сказано так: «Первая часть (припасов) назначается для свободных людей, вторая — для их рабов, третья — для ремесленников и вообще чужеземцев, как для тех переселенцев, что поселились у нас из нужды в пропитании, так и для тех, что всякий раз приезжают к нам по государственным или частным делам» (848a). Нужно сразу оговориться, что «ремесленники» — не совсем точный перевод для платоновского «демиурга», так как для Платона в эту категорию входят все, кто живет своим трудом: врачи, учителя, купцы и земледельцы (R.p. 371a: «Нашей общине понадобится побольше земледельцев и всех прочих демиургов»); русское же «ремесленники», как правило, противопоставляется «крестьянину». Оппозицией к сословию демиургов в текстах Платона выступают чаще всего «свободные граждане» (οἱ ἐλευθέροι) или «частные лица» (οἱ ἰδιώται). В отличие от раба ремесленник отличается от человека высшего сословия не статусом личной свободы, а занятием: свободный человек занят войной или политической деятельностью, демиург же, будь то сапожник или прославленный софист, получает плату за

свой труд и живет им. В «Протагоре» Сократ спрашивает молодого Гиппократ, не стыдно ли ему учиться у софиста так, как учится ремесленник своему мастерству, чтобы самому потом стать софистом-ремесленником. «Клянусь Зевсом, стыдно, Сократ,— отвечает юноша.— Но, пожалуй, Гиппократ, ты полагаешь, что у Протагора тебе придется учиться иначе, подобно тому, как учился ты у учителя грамоты, игры на кифаре или гимнастики? Ведь каждому из этих предметов ты учился не как будущему своему мастерству, а лишь ради своего образования, как это подобает частному лицу и свободному человеку» (312b).

Ценностная характеристика зловлия демииургов у Платона вполне однозначна: в «Законах» они поставлены на одну ступень с метеками; в «Протагоре», как о чем-то само собой разумеющемся, говорится о стыде, который должен испытывать всякий свободный человек, если его примут за ремесленника; в «Государстве» перевод в сословие ремесленников рассматривается как действенное наказание для негодного и провинившегося воина («Если кто из воинов оставит строй, бросит оружие, вообще совершит какой-нибудь подобный поступок по малодушию, разве не следует перевести его в ремесленники или земледельцы?» — 468a). «Воина» в качестве оппозиции к «демиургу» можно рассматривать как синоним «свободного гражданина» и *ιδιωτης* потому, что, согласно Платону, главное дело свободного человека — война и охрана государства. А поскольку только люди, имеющие наследственное достоинство, могут вести достойный свободного человека образ жизни, то очередной оппозицией «демиургу» оказывается богатый человек (R.p. 406c).

В нашу задачу не входит рассмотрение политической теории Платона, определившей его отношение к ремесленникам (или, наоборот, возникшей на основе его аристократического презрения к ним и других проспартанских наклонностей). Поэтому мы перейдем ко второй группе значений слова «демиург», которую можно отделить от первой уже с помощью чисто формальных признаков.

В первом случае, когда слово «демиург» относится к социальной категории, оно определяется главным образом через противопоставление другим, соотносенным с ним социальным категориям. Во втором случае, будучи применено к автору чего-либо или мастеру своего дела, это слово вообще не имеет никаких оппозиций, зато, в отличие от первого, изменяется по степени качества (чаще всего у Платона — «хороший» демиург, несколько реже — «плохой», реже — «совершенный» и «искусный»).

О том, что второе значение слова «демиург» принципиально несводимо к первому, свидетельствует для начала такой текст: «...Стражи должны быть самыми тщательными демиургами свободы государства» (в литературном переводе «должны заниматься лишь охраной свободы государства — самым тщательным образом» — R.p. 395b). С одной стороны, свобода и воинское сословие, а с другой — демиурги, которые в первом значении этого слова постоянно противопоставляются у Платона воинам и свободным людям, соединены здесь в одно понятие воинов — демиургов свободы. Во втором своем значении слово «демиург» не только лишено всякой социальной окраски, но и не обязательно относится к человеку. «Искусство мантики,— по словам Эриксимаха в „Пире“,— является демиургом (т. е. источником) дружбы между богами и людьми» (188cd). Горгий в одноименном диалоге определяет риторику как «демиурга (или создателя) убеждения», в ответ на что Сократ доказывает, что все остальные искусства тоже являются мастерами убеждения. В «Государстве» солнце именуется «демиургом чувственного восприятия» (507c).

Далее, если демиург-ремесленник несет в себе для Платона однозначную оценку — ремесленником быть стыдно и во всех отношениях он ниже свободного человека, то слово «демиург» во втором своем значе-

нии совсем лишено оценки: оно равно может указывать и на человека выдающейся добродетели, справедливости и рассудительности, и на непревзойденного злодея. Так, в «Протагоре» упоминается «демиург добродетели и справедливости» (327c), что в данном контексте соответствует русскому выражению «сама добродетель» о человеке достойном; в «Государстве» философ характеризуется как «демиург благоразумия, справедливости и всевозможной добродетели» (500e). И здесь же, в «Государстве», «те, что воруют, срезают кошельки и творят много других злых дел» названы «демиургами зол, или преступлений» (552d). В «Кратиле», предполагая, что кто-то должен же был создать имена, которыми мы пользуемся, Сократ постоянно именуется эту гипотетическую фигуру «демиургом имен» (390e и др.). Слово «демиург», обозначающее мастера своего дела или источник какого-либо явления, не имеет постоянного места в ряду определенных понятий, как имеет его демиург по сословной принадлежности, всегда соотношенный с другими группами общества; не имея же постоянных связей, это слово может быть соединено с каким угодно понятием (демиург свободы, добродетели, дружбы, зрения, убеждения, имен, зла или неба). Поэтому употребление слова «демиург» для обозначения причины всякой вещи в самом начале «Тимея» вполне естественно и обычно для Платона: «...Все возникающее должно иметь какую-то причину для своего возникновения, ибо возникнуть без причины совершенно невозможно. Далее, если демиург любой вещи взирает на неизменно сущее и берет его в качестве первообраза при создании идеи и потенции данной вещи, все необходимо выйдет прекрасным; если же он взирает на нечто возникшее и пользуется им как первообразом, произведение его выйдет дурным» (28a). Едва ли можно обнаружить в этом тексте даже самый скрытый намек на социальную принадлежность «демиурга любой вещи». Но, с другой стороны, все метафоры, с помощью которых рисует Платон в «Тимее» образ бога-Демиурга, указывают, несомненно, на ремесленника: строителя, плотника, кузнеца и живописца вместе. Какой смысл мог заключаться для Платона в этих метафорах?

Известно, что в диалогах Платона метафоры и образы несут очень большую смысловую нагрузку; многие из них связаны с каким-либо определенным кругом мыслей и представлений постоянно. Метафоры охоты (уже не слышные в русском слове «исследование») указывают на процесс познания — «преследование истины»; образ повивальной бабки, сватающей душу с философией, помогающей выносить и произвести на свет дитя души — мысль и отличить живого младенца от мертворожденного, навсегда остался за Сократом, метод которого до сих пор именуется майевтикой; колесница души, запряженная крылатыми конями, и солнце истины, лучи которого едва проникают в темную пещеру телесного мира, предназначены донести до читателя важнейшие мысли Платона. Эти образы — не иллюстрации к трудноусваиваемым философским рассуждениям, они эквивалентны им. Содержание, заключенное в картине пещеры или хороводов в занебесной области, не передается затем «научным» языком, может быть, по прихоти Платона-художника или из-за того, что просто не может быть адекватно передано.

Может быть, фигура демиурга, возникающая по многу раз в каждом почти платоновском диалоге, тоже призвана воплощать какую-то еще не выразимую словами платоновскую мысль. Во всяком случае, платоновские тексты позволяют заключить, что Платон вкладывал в слово «демиург» специальное — существенное для его системы размышлений — содержание.

Прежде всего демиург для Платона выступает как олицетворение «з и а н и я». Мастер является мастером постольку, поскольку он владеет знанием, причем полным объемом знания в своей области. В «Государстве» есть рассуждение о том, может ли мастер ошибиться (оно предвосхищает аристотелевское разделение собственных признаков предмета,

составляющих определение его сущности, и случайных, акцидентальных признаков): «...Того, например, кто ошибочно лечит больных, назовешь ли ты врачом за эти ошибки? Или мастером счета того, кто ошибается в счете, и именно тогда, когда он ошибается? Думаю, мы только в просторечье так выражаемся: „ошибся врач“, „ошибся мастер счета“ или „учитель грамматики“; если же он действительно то, чем мы его называем, он, я думаю, никогда не совершает ошибок. По точному смыслу слова... никто из мастеров своего дела в этом деле не ошибается. Ведь ошибаются от нехватки знания, то есть от недостатка мастерства» (букв.: «ошибающийся ошибается, если у него недостает знания, а в этом он не демиург» — 340d — e).

В «Пире» в речи Эриксимаха постоянно подчеркивается связь (или тождество) мастерства и знания (точно так же как в речи Диотимы мастерство приравняется к творчеству и рождению). «Врачевание, — говорит Эриксимах, — это, по сути, наука (ἡ ἐπιστήμη „знание“) о вожделениях тела... и кто умеет различать среди этих вожделений прекрасные и дурные — тот сведущий врач, а кто добивается перемены... создавая нужное вожделение там, где его нет... тот — великий знаток своего дела» (букв.: «кто знает (ἐπιστήθεϊς) как сделать... — тот хороший демиург» — 186c — d). Гадание является демиургом дружбы между богами и людьми «потому, что оно знает, какие любовные вожделения людей благочестивы и освящены обычаем» (188c — d).

Проблема, обсуждаемая в диалоге «Протагор», сводится приблизительно к следующему: можно ли научить человека добродетели, в частности, мудрости и справедливости, необходимым для управления государством? Иначе говоря, является ли добродетель знанием? И Протагор, который берется учить добродетели, и Сократ, отрицающий самую возможность такого обучения, оба сопоставляют добродетель с ремеслом или мастерством (ἡ τέχνη) как с предметом, который, вне всякого сомнения, является знанием и которому, безусловно, можно обучать и учиться. Протагор настаивает на сходстве мудреца и демиурга. Сократ — на существенной разнице между ними. «Я вправе сказать, — возражает Протагору Сократ, — почему я считаю, что этому искусству (т. е. искусству быть хорошим гражданином и справедливым правителем) нельзя научиться и что люди не могут передать его людям. Я, как и прочие эллины, признаю афинян мудрыми. И вот я вижу, что когда соберемся мы в Народном собрании, то, если городу нужно что-нибудь делать по части строений, мы призываем в советники по делам строительства зодчих, если же по корабельной части — то корабельщиков, и так во всем том, чему, по мнению афинян, можно учиться и учить; если же станет им советовать кто-нибудь другой, кого они не считают мастером, то будь он хоть красавец, богач и знатного рода, его совета все-таки не слушают... Когда же надобно совещаться о чем-нибудь касающемся управления городом, тут всякий, вставши, подает совет, будь то плотник, медник, сапожник, купец, судовладелец... и никто его не укоряет, как того, что, не получив никаких знаний, не имея учителя, такой человек решается все же выступить со своим советом, потому что, понятно, афиняне считают, что ничему такому обучить нельзя. И не только по общему мнению города, но и в частной жизни у нас мудрейшие и лучшие из граждан не в состоянии передать другим ту самую добродетель, которой владеют сами...» (319b-e).

Ответная речь Протагора также построена на сопоставлении добродетели с мастерством, причем, так же как для Сократа, для него самоочевидно, что мастерство — это знание, которому можно обучаться, а мастер-демиург — тот, кто владеет этим знанием. Следовало бы подробнее остановиться на диалоге «Теэтет», чтобы выяснить, что включал Платон в свое понятие знания, но для этого потребовался бы анализ всего диалога. Отметим только в связи с «демиургом», что юный Теэтет

на вопрос Сократа «Что есть знание?» предлагает ответ, кажущийся ему самоочевидным: «...Ремесло сапожника и других ремесленников — все они и каждое из них есть не что иное, как знание» (146d).

В «Горгии» мы находим определение сущности мастерства через знание и стремление к высшему благу. Так же как и «Протагор», «Горгий» посвящен критике софистов, так же как и в «Протагоре» критика софистических концепций здесь (а затем и в «Кратиле») ведется с помощью сопоставления софиста с демиургом, и характер этого сопоставления довольно заметно меняется. В «Протагоре» софист, берущийся обучать других добродетели, приравнивается к демиургу в социальном плане, потому что берет за свои уроки деньги и торгует собственным знанием. Тем самым он оказывается для Платона столь же презренным, как и представитель «несвободного» сословия, — что, собственно, и требовалось. С другой стороны, здесь же софист противопоставляется демиургу-мастеру, поскольку тот честно учит тому, что можно усвоить как знание, а софист обманывает доверчивых учеников, обещая выучить их добродетели. Добродетель же неизмеримо выше мастерства и не может являться предметом знания, по крайней мере человеческого. В «Горгии» уже нет и намека на сходство софиста с демиургом — здесь они диаметрально противоположны, и уже тот факт, что Сократ доказывает противоположность софиста подлинному мастеру-демиургу, означает его полное посрамление (как в «Протагоре» средством уязвления софиста было доказательство его частичного сходства с ремесленником). Аргументация Сократа в «Протагоре» строится на том, что демиург — это всего лишь обладатель знания, не имеющий отношения к благу и добродетели, и потому довольно низко ценимый Платоном; софист — тот же демиург, более того — демиург-шарлатан. Аргументация Сократа в «Горгии» строится на том, что всякое мастерство есть знание, и поскольку оно есть знание (звено, отличающее ее от аргументации «Протагора»), постольку оно необходимо направлено на достижение высшего блага; то же, что называют софистическим искусством, или мастерством, вовсе не мастерство, ибо основывается не на знании, а на опыте (Сократ называет такое псевдомастерство «сноровкой» — по-гречески «эмпейрия»-«опытность» — или «угодничеством»), а раз оно чуждо истинному знанию, то и не может быть направлено ко благу, но, как лъстивый раб, доставляет вместо блага удовольствие, часто пагубное. «...Все они, — говорит Сократ о подлинных искусствах, — постоянно пекутся о высшем благе, одни — для тела, другие — для души, а угодничество... прикидывается тем искусством, за которым укрылось, но о высшем благе нисколько не думает, а охотится за безрассудством... Искусством я его не признаю — это всего лишь сноровка, — ибо, предлагая свои советы, оно не в силах разумно определить природу того, что само же предлагает, а значит, не может и назвать причину каждого из своих [действий]. Но неразумное дело я не могу называть искусством...» (464c — 465a). Определение демиурга в качестве того, кто обладает истинным знанием в своей области и стремится к высшему благу, повторяется в «Горгии» несколько раз с большой настойчивостью. В «Кратиле», где демиург вновь противопоставляется софисту, это определение появляется столь же часто, но уже как нечто само собой разумеющееся, не требующее доказательств. Наконец в «Государстве» философ — для Платона лучший представитель человеческого рода — именуется «демиургом добродетели», что окончательно перечеркивает оппозицию «мастерство» — «добродетель» из «Протагора».

Вернувшись к «Горгию» и «Кратилу», мы сможем отметить еще два момента, составляющие сущность того, что понимал Платон под словом «демиург». «Речи достойного человека, — говорит Сократ, опровергая Калликла, который отстаивает софистический релятивизм, с вытекающей из его признания абсолютной свободы человека необходимостью произ-

вола и насилия в человеческом обществе, — всегда направлены к в ы с ш е м у б л а г у (разрядка здесь и далее наша. — Т. Б.), он никогда не станет говорить наобум, но всегда держит в уме (βλέπει προς — букв. «с м о т р и т н а») какой-то о б р а з е ц, как и все остальные мастера: стремясь выполнить свое дело, каждый из них выбирает нужные снасти не кое-как, но чтобы вещь, над которой они трудятся, приобрела о п р е д е л е н н ы й в и д. Взгляни, если хочешь, на живописцев, на строителей, на корабельных мастеров, на любого из прочих мастеров, кого ни выберешь: в каком порядке располагает каждый все части своей работы, подгоняя и прилаживая одну к другой, пока не возникает целое — стройное и слаженное! Подобно остальным мастерам и... учителя гимнастики и врачи как бы налаживают (κοσμῶσι) человеческое тело и приводят его в порядок...» (Gorg. 503e—504a).

Демииург, созерцающий (βλέπων) в своем уме образец (εἶδος; παρδείγμα), согласно которому он создает свои произведения как его подобия или отражения (εἰκόν, μίμημα), — это постоянный образ платоновских диалогов, встречающийся настолько часто, что сам Платон начинает воспринимать его как «обычный» оборот речи: «... И обычно мы говорим, что мастер изготавливает ту или иную вещь, в с м а т р и в а я с ь в е е и д е ю (разрядка наша. — Т. Б.): один делает кровати, другой — столы, нужные нам... Но никто из мастеров не создает самую идею» (R.p. 596b). В «Кратиле» Сократ, согласившись с тем, что имена у вещей от природы, замечает: «... Не всякий — мастер имен, а только тот, кто обращает внимание (ὁ ἀποβλέπων — «кто смотрит») на определенное каждой вещи природой имя и может воплотить этот образ (т. е. образец его) в буквах и слогах» (309d—e). Примеры, в которых демиург-мастер взирает на образец, создавая мебель, ткацкие челноки, хитоны, поэмы, музыку, слова, корабли и правила арифметики, довольно многочисленны, и так же как то, на что смотрит мастер, называется «образом» («эйдос») или «образцом» («парадейгма»), так то, что он производит, называется «подобием» («эйкон»). Произведение мастера ни разу не названо у Платона «хорошим» или «дурным»: его эпитеты — «прекрасное» или «не прекрасное»; так же и о самом мастере не говорится, что он «прекрасный мастер», но только «хороший» (а в переводе более возвышенного текста «Тимея» обычно «благой демиург» вместо «хороший мастер»). «Если он (демиург. — Т. Б.) отразит все, что подобает, — сказано в „Кратиле“, — отражение будет прекрасно; если же он хоть что-нибудь упустит или добавит, отражение, конечно, получится, но прекрасным оно не будет... Значит, один мастер имен будет хорошим, другой же — плохим» (431d—e).

Итак, подведем предварительный итог нашей расшифровке образа демиурга: демиург — это тот, кто обладает истинным знанием (в своей области); тот, кто стремится к высшему благу; тот, кто создает какую либо вещь, глядя — в уме — на ее бестелесный образец, который, согласно «Кратилу», есть не что иное, как «истинное бытие» или «сущность вещи» (386e). Если демиург хорош, он создаст прекрасное отражение, наиболее похожее на образец, если он зол (или плох) — приблизительное, непрекрасное отражение.

Собственно говоря, это беспрестанно описываемое в диалогах «созерцание в уме образца», благодаря которому демиург отличается от псевдодемиурга, есть не что иное, как «знание», которое также, согласно Платону, составляет сущность мастерства. Вопрос о том, что такое «знание» у Платона, достаточно обширен и сложен; однако никто обычно не спорит с тем, что знание для Платона — это в первую очередь созерцание идей умом (споры начинаются по существу дела — что такое идеи? — а формальная сторона не вызывает разногласий).

Таким образом, знание демиурга позволяет ему видеть истинную сущность вещи — ее умопостигаемый образец; а так как истина, несомненно, связана с высшим благом, то демиург оказывается причастен

благу более, чем кто-либо другой. В тех контекстах, где речь идет не об обобщенном понятии демиурга, а о конкретном столяре или враче, понятие «высшего блага» тоже конкретизируется в таких терминах, как «порядок», «упорядоченность», «слаженность (или гармония)», «закон», «подобающее, или должное» (*τὸ πρέπον, τὸ προσήκον*), и наконец, «прекрасное» и «совершенное»: все эти качества непременно присущи произведению настоящего (постоянный эпитет — *ἀγαθός*: «хороший, добрый, благой») мастера.

До сих пор мы рассматривали высказывания Платона о демиурге, которые переходят из диалога в диалог, превратившись в своего рода образцы-штампы. Устойчивость этих образцов на первый взгляд незаметна, ибо они теряются в пестроте индивидуальных подробностей: Платон всякий раз необычно искусно рисует каждого отдельного сапожника, повара, валяльщика, прядильщика, чесальщика шерсти или изготовителя ткацких челноков. Внимание читателя занимается философским вопросом, разбираемым в диалоге, воображение рисует врача, пожилого и умудренного, за которым прячется хитрый и пробивной повар, а черты, объединяющие всех ремесленников у Платона, проникают в сознание как-то незаметно и складываются по прочтении пяти или десяти диалогов в тот самый образ, который проступает в конце концов и из разбора контекстов слова «демиург».

Для полноты картины необходимо отметить еще определение мастерства и мастера, данное в «Пире» в рассказе Диотимы, хотя оно и не повторяется затем в остальных диалогах, где заходит речь о демиурге. «Творчество (*ἡ ποιησις*), — объясняет Диотима Сократу, — понятие широкое. Все (букв.: „всякая причина“), что вызывает переход из небытия в бытие, — творчество, и, следовательно, создание любых произведений искусства и ремесла можно назвать творчеством, а всех создателей (демиургов) — их творцами» (205с). Согласно Диотиме, демиург — это всякий, кто создает то, чего не было раньше, и на этом основании она называет всякого демиурга не только творцом, но и «родителем» (*ὁ γεννήτωρ*), возвращаясь в связи с этим к знаменитому сократовскому топосу родов души и философа-повитухи. Как это часто делает у Платона Сократ, она описывает телесную беременность и роды и по аналогии с ними строит образ духовной беременности: «... Ведь есть и такие, которые беременны духовно, и притом в большей даже мере, чем телесно, — беременны тем, что как раз душе и подобает вынашивать. А что ей подобает вынашивать? Разум и прочие добродетели. Родителями их бывают все творцы (*οἱ ποιηταί*) и те из мастеров, которых можно назвать изобретательными. Самое же важное и прекрасное — это разуметь, как управлять государством и домом, и называется это уменье рассудительностью и справедливостью... Каждый, пожалуй, предпочтет иметь таких детей, чем обычных, если подумает о Гомере, Гесиоде и других прекрасных поэтах, чье потомство достойно зависти... Или возьми, если угодно ...детей, оставленных Ликургом в Лакедемонии — детей, спасших Лакедемонию, можно сказать, всю Грецию. В почете у вас и Солон, родитель ваших законов, а в разных других местах, будь то у греков или у варваров, почетом пользуется много других людей, совершивших множество прекрасных дел и породивших разнообразные добродетели. Не одно святилище воздвигнуто за таких детей этим людям, а за обычных детей никому еще не воздвигали святилищ» (209а—е).

То, что Платон не находит нужным постоянно подчеркивать этот «родительский» аспект демиурга, неудивительно: что всякий мастер создает вещи и тем самым переводит их из небытия в бытие, ясно каждому и заключено в общеупотребительном значении слова «демиург». Напротив, то, что всякий подлинный мастер является непременным обладателем истинного знания и изготавливает свои столы и челноки, глядя на умопостигаемый образец, да еще и стремится при этом к на-

ивысшему благу, — далеко не так самоочевидно и требует поэтому постоянного подтверждения. Все эти свойства естественно и необходимо принадлежат не демиургу вообще, но демиургу в системе платоновского учения, тому образу демиурга, который Платон отчасти создал сам.

По своей структуре он во многом похож на другой сквозной платоновский образ — повивальной бабки-философа. К нему Платон также возвращается многократно, иногда разворачивая его на много страниц и обыгрывая во всех подробностях, как в «Пире» и «Теэтете», иногда же ограничиваясь одним или несколькими словами, указывающими на весь этот образный ряд. Определить, что представляют собой эти «майевтические» описания, довольно трудно: это развернутое сравнение, но у него нет второй, главной половины — того, что сравнивается с процессом родов. Бытовая картинка, в которой соединяются описания сватовства, зачатия, беременности и родов с помощью повитухи, выражает важный для платоновского учения смысл; отдельно взятые фигуры, составляющие эту картинку, так же мало связаны с понятиями, которые они обозначают, как форма знака с его содержанием; зато связь между роженицей, ребенком и повитухой в точности передает связь, какую видит Платон между душой, истиной и философом.

Примерно то же самое можно сказать и о «демиурге», с той лишь разницей, что «картинка» здесь не так наглядна и проста, а смысл ее — более значим для учения зрелого Платона. Демиург, созерцающий умопостижимые образы вещей, т. е. их подлинную сущность, знающий истину и руководящийся благом как таковым, — это метафора, выражающая сущность того, что принято называть «учением Платона об идеях». У Платона есть подробные рассуждения о том, что такое благо, знание, идея, истина, подлинное бытие; только один член этого образного ряда не имеет соответствующей философской категории — сам мастер-демиург. Он обозначает не отдельное понятие, а связь между идеей, бытием, знанием и благом; фигура демиурга и все образное построение нужно именно для того, чтобы показать характер связи между всеми этими категориями. Эта связь между идеями (а также бытием, знанием и благом) и вещами, которую Сократ в «Пармениде» именуется «причастностью» — самое темное и трудное звено платоновского учения. Именно из-за невозможности логически обосновать и определить такую «причастность», платоновское учение не может сложиться в систему. Единственный диалог, написанный с явным намерением изложить основы учения систематически, — «Тимей». В нем нет ни слова ни о «причастности», ни о каком-либо другом способе связи между идеями и чувственным миром. Зато главная фигура в нем — некий Демиург, ставящий в тупик большинство современных исследователей: ведь это не термин, в каких должна бы излагаться философская система, и даже не аллегорический образ, который можно было бы соотнести с одной из категорий, складывающихся в системы. Но Демиург именно потому и не соотносим ни с одним понятием, что воплощает связь этих понятий, как камень в центре свода не дает ему рассыпаться. Собственно, в «Тимее» Демиург играет ту же роль, что и в «Горгии», и в «Кратиле», и в «Государстве», и в других диалогах, только с заднего плана он выходит вперед, и наряду с такими именами, как «строитель», «зодчий», «устроитель», «плотник», «ваятель», «отец» и «родитель» (в «Тимее», разумеется, он выступает во всех этих ролях по отношению ко Вселенной) прибавляется еще одно — «бог». Мы не можем сейчас анализировать значение этой перемены; зато можем утверждать, что во всех своих основных чертах демиург остался таким же, каким он появился еще в «Горгии».

То, что сказано в «Тимее» о Демиурге Вселенной, сводится, по сути, к следующему: «он был благ» (29e) и именно по этой причине стал Демиургом, т. е. решил создать мир. «Благо, или благость», — единственное свойство, которым наделяет Платон своего Демиурга (все остальное,

что сообщается о нем,— его действия); это, как уже говорилось выше, заставляет многих исследователей отождествлять его с «идеей блага». Поскольку Демиург благ, он создает Вселенную упорядоченную и прекрасную, что выражается в слове «космос» («Невозможно ныне и было невозможно издревле, чтобы тот, кто есть высшее благо, произвел нечто, что не было бы прекраснейшим...» — 30a). Второе, что повторяет Платон с большой настойчивостью: Демиург взирает на вечный умопостигаемый первообраз космоса, стараясь создать подобие или отражение, по возможности более похожее на образец (28a—31b, 37c—d).

Иными словами, Демиург «Тимей» — это наиболее полное, суммарное выражение того сквозного образа мастера-демиурга, который складывался у Платона начиная с самых ранних его диалогов («Протагор»), в связи с его учением об идеях. Внешние аксессуары этого образа — описание подробностей того или иного ремесла — в минимальной степени связаны с его смыслом и служат лишь своего рода опознавательным знаком (так же как первоначальное значение слова, ставшего философским термином, имеет минимальное отношение к содержанию термина). Два значения, которые может иметь у Платона слово «демиург», — социальное и философское — разграничены очень отчетливо, особенно в таких поздних диалогах, как «Государство», «Кратил», «Софист», «Тимей», «Политик» и «Законы». Маловероятно, чтобы такое разграничение существовало в греческом языке до Платона: оно обязано своим появлением выбору Платона, искавшего способ для выражения мысли о двух противоположных мирах и о связи между ними. На вопрос, почему он остановил свой выбор на «демиурге», так же трудно ответить, как и на вопрос, почему Аристотель назвал материю, бестелесное подлежащее всех вещей, *ἡ ὕλη*, т. е. «древесиной», а не глиной или медью. Некоторые предполагают, что когда Аристотель объяснял ученикам, что такое «первое подлежащее», перед ним стояло деревянное ложе, отсюда и пошло слово «материя». И в той же мере, в какой аристотелевское понятие «первого подлежащего» можно было бы вывести из особенностей ножек и резьбы того самого ложа, в той же мере и создатель космоса из «Тимей» обязан своим происхождением особенностям социального положения ремесленников в Греции V в. до н. э. Слово «демиург» и образ мастера служат знаком, указывающим на специальное платоновское понятие, связанное с целым кругом специально платоновских проблем. Поэтому интерпретация Демиурга в «Тимее» с помощью общегреческого употребления этого слова или на основе исторических и социологических фактов представляется не совсем целесообразной. Чтобы такая интерпретация стала достаточно обоснованной, необходимо исследовать зависимость платоновского учения и мировоззрения в целом от определенной социальной или исторической ситуации, ибо обусловленность образа Демиурга, каким он является в «Тимее», общими философскими взглядами Платона не вызывает сомнений.

Т. Ю. Бородай

THE FIGURE OF THE CRAFTSMAN AND THE MEANING
OF THE WORD
DĒMIOURGOS IN PLATO'S DIALOGUES

P. Yu. Borodai

The chief personage in the cosmogony of Plato's *Timaeus*, the so-called *dēmiourgos*, is the craftsman-creator of the world. Since interpretation of this term's place among Plato's philosophical categories is beset by many difficulties, some of them not to be overcome, the author undertakes to trace the evolution of its semantic content in Plato's dialogues. Comparative study of the contexts in which the word appears has led the author to

conclude that between its first meaning, «craftsman», and the meaning it has in the *Timaeus* — «divine Reason» — there is an intermediate stage. Every time Plato speaks of the connection between the ideal and real (physical) worlds he explains it in abstract concepts, but with the aid of illustrations: the artisan, while crafting some object, say a boat, sees in his mind the ideal model of a boat, being guided in his work by reason and the good; likewise all our visible world was made on the model of a rationally conceived world, just as the boat was fashioned from an ideal model. What the ideal and the material worlds are like themselves Plato often, and in detail, explains in philosophical terms, but the connection between them he indicates only by analogy with the *demiourgos*. In the *Timaeus*, it would seem, all the most important categories of Plato's doctrine are reduced to a definitive system in which the *demiourgos* has virtually the first place. However, even here he remains an illustration, a simile, since in principle he does not submit to logical definition — which is why it is impossible to give him a systematic interpretation.
